

Признавая в виду сего необходимым всесторонне осветить вышеуказанное начинающееся движение как для выяснения двойственного характера и конечных его целей, так и его значения в общегосударственном смысле, Департамент Полиции об изложенном имеет честь сообщить Вашему Превосходительству, покорнейше прося Вас, Милостивый Государь, не отказать в распоряжении: о 1) выяснении среди мусульманского населения вверенного Вам района лиц, выступающих в татарской литературе в качестве авторов новаторских сочинений, 2) собрании подробных сведений о их личности, общественном положении, а также связях в мусульманской среде, как равно и о том, где они получили свое образование, 3) установлении существует ли связь между сторонниками нового движения и младотурками и не вдохновляются ли они из Турции или иного заграничного центра и 4) выяснении где и кем основаны в пределах вверенного Вам района мусульманские школы с преподаванием по новым методам, кто состоит в них преподавателями и под чьим заведыванием и контролем такие школы находятся.

О последующем благоволите, Милостивый Государь, уведомить в возможно непродолжительном времени для доклада Господину Министру Внутренних Дел.

Директор

Делопроизводитель

С.Э. Зволенский

П.Н. Лемтюжников

НА РТ, ф.1, оп.6, д 99, лл. 1–2 об.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам поволжской прессы)

Почти 90 лет прошло с тех пор, как мир был втянут в Первую мировую войну. Результаты непоследовательной амбициозной внешней политики ведущих европейских государств (в том числе и России) оказались во много раз трагичнее и тяжелее, чем могли представить себе даже дальновидные политики. Страны и народы Европы и мира начнут осознавать эти последствия лишь тогда, когда окажутся втянутыми в первую за всю историю человечества мировую кровавую бойню, продолжавшуюся более 4-х лет и приведшую к необратимым процессам, коренным образом изменившим облик XX века.

Масштабы, характер и последствия глобального мирового конфликта трудно было оценить его совре-

менникам; до сих пор в научном мире не стихают дискуссии по проблемам первой мировой войны. Исследователь проблемы С. Хобсбаум обращает внимание на то, что не сразу народы воюющих стран осознали антинародный характер войны. И только, когда они оказались втянутыми в затяжную и бессмысленную бойню, тогда стал ощущаться весь трагический смысл происходящего¹.

Вначале никто не мог предвидеть, когда закончится война и каковы будут ее последствия. Тем не менее уже с первых дней войны разные общественные группы населения поволжских губерний определили свое понимание причин, целей и перспектив военного конфликта, приобретающего черты мирового.

Формирование общественных взглядов по проблеме мировой войны происходило в условиях политической несвободы и особых обстоятельств военного времени. 20 июля 1914 г. в стране была введена цензура, а 24 июля Указом Николая II Сенату губернии России, в том числе Казанская, Симбирская, Саратовская и Самарская, были объявлены на положении чрезвычайной охраны². Эти обстоятельства ограничивали возможности публичного выражения общественных взглядов по вопросам войны и мира, окрашивая их в различные патриотические тона.

Пропагандистский характер, официальную точку зрения носила периодическая печать того времени. Как отмечает Е.С.Синявская, фронтовые, армейские газеты и листовки, адресованные солдатам, имели такой же характер³.

Не так давно академик Ю.А. Писарев считал, что в науке незначительно изучен вопрос отношения к войне населения, которое было или обмануто «ура-патриотическими лозунгами», или действительно выступало в защиту своей родины. Автор указывал, что нельзя умалчивать многочисленные факты из периодической печати того времени, когда народ или проводил целые демонстрации в поддержку правительства, или выражал узкохозяйственные, ограниченные интересы: «...до нас немец не дойдет...»⁴.

Анализ более пятидесяти выходящих в годы войны в Поволжье периодических изданий позволяет сделать вывод о характере и направлениях местных газет и журналов. Следует отметить, что число изданий значительно возросло к августу 1915 года, когда стало известно о поражении русской армии на фронтах. Если в 1914 году поволжская печать была представлена в основном православно-монархическими, умеренно-консервативными изданиями («Саратовская почта», «Саратовская искра», «Голос Самары», «Волжско-Камская речь», «Казанская газета» и др.), то с

лета 1915 года, в связи с выходом оппозиционных газет, их общий тон стал более полярным: от «ура»-патриотического до критического. К оппозиционным газетам относилась, в первую очередь, социал-демократическая, революционно-демократическая печать: «Наш голос», «Голос», «Наш путь», «Приволжская правда» (г. Самара); «Наша газета», «Социал-демократ», «Социалист-революционер» (г. Саратов); «Рабочее дело», «Казанская рабочая газета» (г. Казань) и др.

Либерально-демократическая и либерально-буржуазная печать в начальный период войны занимала центристские позиции, в основном осуждая растущую в стране спекуляцию, нерешенные проблемы с организацией жизни беженцев, думскую политику. В вопросе о войне и мире эти издания придерживались официальной точки зрения, выступая с призывами довести войну до победного конца и «поддержать национальное дело» («Казанское утро», «Симбирское слово», «Саратовский листок» и др.).

Вступление России в войну было встречено большинством населения провинций Поволжья патриотическим подъемом. Волна стихийного патриотического воодушевления в той или иной степени и форме захватила все социальные слои и группы. Грандиозные, часто стихийные манифестации прошли в городах, рабочих поселках, селах и деревнях всех четырех губерний Поволжья, сопровождаясь молебнами о даровании победы, сбором пожертвований на нужды войны, отправкой патриотических телеграмм Императору.

Верноподданническую позицию заняла и активно проповедовала православная церковь, повсеместно проводившая молебны о даровании победы русской армии и сбор пожертвований на нужды войны. В селе Спаское Вольского уезда состоялось «патриотическое торжество» и молебен за победу⁵.

Члены Хвалынского земского Собрания в телеграмме Государю Им-

ператору высказались в «выражении верноподданнических чувств»⁶, «сердечную благодарность» выразил Император Саратовскому уездному съезду «за пожертвования на нужды войны»⁷.

«Казанское утро» писала, что «университеты с самого начала войны стремились всеми доступными средствами поддержать национальное дело»; проходили студенческие митинги и манифестации в поддержку правительства⁸.

Стихийный патриотизм большинства народа базировался на представлении о справедливом, оборонительном характере войны со стороны России, о чем было заявлено в Высочайшем манифесте Николая II от 20 июля 1914 года, повсеместно тиражируемом и оглашаемом, разъяснялось во время молебнов, в газетных и журнальных публикациях. В то же время для крестьян, в первую очередь подлежащих мобилизации на фронт, было характерно отношение к войне как к неизбежному злу, неотвратимому року, ниспосланному Богом испытанию.

Объявление Германией войны России вызвало живой отклик во всех общественных слоях, отчетливо проявился интерес к развитию внешнеполитической ситуации и разворачиванию военных действий.

Газета «Саратовская почта» отмечала возросшее самосознание крестьян: «Война, всколыхнув деревню, разорвала тот круг, в который были замкнуты интересы деревни, и связала деревню с миром. В результате – небывалый наплыв в деревню газет»⁹. Корреспонденты сообщали, что «газеты теперь выписывают во всех без исключения деревнях», крестьяне собирались вместе, читали сводки и обсуждали военные события.

И все же отношение к войне населения поволжских провинций было неоднозначным, о чем свидетельствует содержание писем с фронта домой.

В статье от собственного корреспондента села Воскресенское Воль-

ского уезда уже четко проявляются желания солдат поскорее закончить войну и «весною... прийти домой»¹⁰. В «Беседе с раненым солдатом» автор статьи из села Кряжичи Вольского уезда обращал внимание на то, как относился раненый солдат к войне: «Австрийцы воюют неохотно, у них много славян, православных...»¹¹. Такой репликой солдат как бы вопрошал: «А нам-то зачем с ними воевать?». Судя по высказываниям солдата, у него не воинствующее настроение, а вполне дружелюбное. А вот и другой пример. В статье «Взаимопомощь» речь идет о том, как два раненых солдата (русский и австриец) помогли друг другу. Австриец перевязал русскому рану, а тот угостил его табаком. «Так рядом и уснули, пока нас не подобрала», – вспоминал раненый русский солдат¹².

Несмотря на подъем патриотизма, мобилизация в Поволжье не обошлась без эксцессов, сопровождаясь волнениями запасных нижних чинов из рабочих и крестьян. Советская историография квалифицировала их как одну из наиболее ярких форм антивоенного движения¹³. Однако отсутствие идеологической заданности исследования источников позволяет поставить под сомнение устоявшуюся оценку. Абсолютное большинство выступлений проходило в форме стихийного или скрытого сопротивления.

Нельзя не отметить такие примеры сопротивления, как массовая порча глаз и других органов призывников. Эти действия все более становились известными властям, опасаящимся за общее настроение народа¹⁴. Саратовский губернатор, стремясь поддерживать у населения не только патриотические чувства, но и страх, опубликовал список солдат, сдавшихся в плен, и сообщил, что их семьи будут лишены пособия¹⁵.

Встречается материал и о проявлении сознательного пацифизма. Незвестный автор статьи «Уроды в семье» критикует общество «толстоцев», отрицательно настроенных к

войне и заявляющих о необходимости для последователей Л.Н. Толстого «продлить свое отрицательное отношение к войне, как к таковой»¹⁶.

Эти факты свидетельствуют о неоднозначном отношении населения провинции к войне, даже в самом ее начале.

Патриотизм образованных кругов, интеллигенции был осознанным, обосновывался комплексом представлений о причинах, целях и характере войны, его оттенки определялись политической позицией тех или иных социальных групп «цензового общества». Практически все легальные издания Поволжья периода войны, включая левые, социалистические и часть кадетских, пропагандировали идею Отечественной войны России, которая вела справедливую войну. Один из «подвалов» газеты «Волга» представлял рубрику «Война, национализм, философия», в которой обосновывалась роль в христианском мире и сверхнародная идея: защиты всех славян¹⁷. Автор статьи «Параллели» Б. Иванов заявлял, что «сводить политические счеты с правительством несвоевременно и неприлично», убеждая читателей в необходимости защиты своего отечества¹⁸.

В трактовке причин, целей и характера войны сразу же обнаружились оттенки, обусловленные идейными и политическими различиями позиций общественных групп. С религиозно-нравственной точки зрения рассматривало мировое потрясение духовенство, характеризуя его как возможность для России в соответствии с промыслом Божиим исполнить свое великое призвание – «сокрушить злые силы германизма». Патриархально-монархические и отчасти либерально-буржуазные слои общества разделяли идеи панславизма, священной борьбы двух начал: славянства и германства, в которой первое олицетворяет «культуру и божественную правду», второе – грубую силу бронированного кулака.

Наиболее четко эта позиция выражена в стихотворении неизвестного автора «Год войны»:

Веди, единая Россия,
Веди своих сынов на бой,
Огонь, железо и стихия
Падут во прах перед тобой...
Еще не сломлена химера,
Еще не кончена игра.
И Русь полна священной веры
В победу права и добра¹⁹.

В то время как правомонархические круги населения Поволжья безоговорочно поддерживали самодержавие в войне, либерально-оппозиционные и социал-демократические издания, выступая за войну до победного конца, считали, что «лишь... демократия... может мощно воодушевить народ и организовать оборону страны... Без победы над реакцией... невозможна защита страны от внешней опасности»²⁰.

Сила патриотического подъема населения была так велика, что прямо и последовательно, даже в нелегальной форме, пропагандировать антивоенные идеи ни в 1914, ни в 1915 революционеры в Поволжье не могли. Стачечная борьба не освещалась на страницах легальной печати того времени, что было вызвано усилением цензуры в условиях войны. Удалось обнаружить только единичные упоминания о стачках за 1915 год в изданиях газет социал-демократического направления – «Наш голос» (Самара), «Голос Самары». Автор статьи «Рабочая жизнь» под псевдонимом «Б-нь» писал, что в Самаре есть рабочая газета, там прошло рабочее собрание, и сетовал на то, что а «у нас этого нет»²¹.

Вступление в войну вызвало в Поволжье мощное движение благотворительности, в которое включились различные социальные слои. В июле–августе 1914 года во всех четырех губерниях Поволжья прошли экстренные губернские и уездные земские собрания и чрезвычайные заседания городских дум и волостных сходов, на которых была не только сфор-

мулирована патриотическая позиция местных органов самоуправления в связи с началом войны, но и решен вопрос об изыскании средств из местных бюджетов на оказание помощи семьям призванных в армию воинов.

Как показывают источники, Обращения Императорских Комитетов находили понимание и «полное сочувствие» среди широкой общественности провинций²². Это выражалось в основном в решении о выделении средств для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий; помощи детям, «чьи отцы на войне», открытии новых приютов и ремесленных мастерских, детских яслей; сооружении санатория и лазарета для раненых.

Особо следует обратить внимание на деятельность многочисленных благотворительных организаций. Так, Казанское Губернское Земское собрание 50-й очередной сессии постановило вынести глубокую благодарность Дамскому Благотворительному Комитету в Тетюшском уезде и всем лицам, «принявшим участие в деле оказания помощи больным и раненым воинам и семействам призванных»²³.

Таким образом, мы видим, что в годы первой мировой войны в Казанской губернии действовала модель отношений, позволявшая решать многие насущные вопросы военного времени на уровне местного самоуправления.

Важной чертой общественных настроений в Поволжье как в первый период войны, так и в последующие является отсутствие массового агрессивного шовинизма по отношению к немцам. Автор статьи «Пленницы-изменницы» священник М. Платонов осуждающе замечал, что «благородные дамы и гимназистки раздавали деньги пленным немцам»²⁴.

П.Гребнев гневно возмущался по поводу плохого содержания пленных немцев в тылу, называя этот факт «великодушной универсальной подлостью»²⁵. Другой же корреспондент сообщал, что «сестры милосердия с

одинаковым вниманием и сердечностью» относятся к своим и чужим раненым²⁶.

Такое участливое отношение к врагу проявлялось не только в тылу, но и на фронте. В заметке «Жалко мальчишку» неизвестный автор приводит слова одного раненого русского солдата: «Мальчишек немецких жалко. Набрали юнцов, – как его штыком колоть? Таких только прикладом. Глядишь выживет...»²⁷.

Несмотря на официальный характер газеты, из публикаций видно, что однозначного отношения к врагу не сложилось, и поволжская пресса выступала против проявлений национализма и шовинизма.

Как ни старалась проправительственная печать, а рост антивоенных настроений все чаще проявлялся в ходе войны. Она очень четко реагировала на положение на фронтах и в связи с успехами и поражениями придавала в своих работах войне тот или иной характер. Современные исследователи отмечают, что в ходе войны трансформировались взгляды на нее. Так, Ю.А. Писарев писал о резком изменении отношений к характеру войны интеллигенции, солдатской массы²⁸.

В материалах православно-монархической газеты «Волга», выходившей в Саратове в годы войны, еще в 1914 году можно было встретить сочувствие раненым пленным, описание тягот войны, плачевное положение пленных солдат, критику на «существующие формы жизни». В начале войны, когда успех сопутствовал русским, а война не казалась такой затяжной и экономика страны пока справлялась с нуждами фронта, в газету попадали самые разнообразные корреспонденции, по которым можно было судить о настроении широкой общественности. Видимо, официальная пресса еще не имела себе достойных соперников в деле пропаганды, поэтому попадание на ее страницы правдивых заметок не грозило формированию критического мышления

обывателя. Официальная пропаганда вступала в противоречие с тем, что случайно попадало на полосы газет. У думающего читателя должно было сформироваться определенное отношение к происходящим событиям.

Но начиная с момента, когда одна неудача на фронте шла за другой, тон газет становился все официальнее. Так, газета «Волга» резко вправо сменила свой курс, поскольку в обществе все более четко проявлялись и другие отношения к войне. На первой странице 8-го номера за 1915 год в обращении к читателям четко определяется позиция газеты. Автор статьи критикует газетных «прогрессистов», отмечает, что они «начали вести себя так, как если до войны», оживилась их подпольная деятельность. «Кадеки» и трудовики «...пустили недовольствие в умах...образованных городских кругов, а также воздействуют на крестьянскую психологию». Автор четко придерживается официального курса газеты и, как бы угрожая невидимому противнику, заявляет: «Сейчас курс политики правительства твердый, всюду имеется цензура, и, следовательно, очень-то уж безобразить нашим «прогрессивным» газетам, пожалуй, не удастся»²⁹.

Подводя итоги внутренней жизни России за 1914 г., газета «Земская неделя» (бывшая «Казанская газета») отмечала необходимость вести борьбу до победного конца³⁰.

С марта 1915 года волна патриотического подъема начала спадать. Это было связано с растущими экономическими трудностями. Рост дороговизны и его последствия для малоимущего населения порождали проблему неравномерного несения тягот войны различными социальными слоями, которая поднималась в левой прессе с весны 1915 года³¹.

Ставился под сомнение патриотизм торгово-промышленного класса, прежде всего купечества, думавшего больше о собственной выгоде, чем о единстве фронта и тыла. «Они слишком далеко стоят от тех кругов, кото-

рые стонут под бременем дороговизны»,— утверждал корреспондент Калачев³². Передовица «Нашей газеты» констатировала тот факт, что «...между имущими классами и их «исполнительным органом» в России возник острый разлад под влиянием хода военных действий»³³.

Таким образом, вступление России в первую мировую войну вызвало пробуждение патриотических чувств и национального самосознания населения поволжской провинции.

Наряду со стихийным, иррациональным патриотизмом социальных «низов» и на его основе формировался идейный, осознанный патриотизм образованных слоев. Поволжская интеллигенция в своих выступлениях разрабатывала концепцию Отечественной войны, анализировала характер, истоки и последствия мирового конфликта. Вместе с тем от общего патриотического воодушевления оказались отторжены как немногочисленные принципиальные противники войны из среды революционной интеллигенции, отрицавшие самоценность национальных интересов и лозунг защиты Отечества, так и часть рабочих и крестьян Поволжья, в силу ряда обстоятельств лишенных гражданского самосознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хобсбаум С. Век крайностей. Краткая мировая история. 1914–1991 // Вопросы истории. – 2000. – №1. – С. 169.

² См.: РГВИА, ф. 1720, оп. 7, д. 207, л. 19, 21; ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 1350, л. 4, 6; Казанские губернские ведомости. – 1914. – 26 июля.

³ Синявская Е.С. Образ врага в сознании участников первой мировой войны // Вопросы истории. – 1997. – №3. – С. 140–141.

⁴ Писарев Ю.А. Новые подходы к изучению первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 1993. – №3. – С. 51.

⁵ Уездная жизнь // Волга. – Саратов, 1914. – 11 сентября.

⁶ Земская жизнь // Волга. – 1914. – 15 августа.

⁷ Волга. – 1914. – 11 сентября.

⁸ К призыву студентов в армию // Казанское утро. – 1915. – 21 сентября.

⁹ Деревня и война // Саратовская почта. – 1915. – 20 июня.

- ¹⁰ Волга.– 1915.– 3 марта.
¹¹ Волга.– 1914.– 14 сентября.
¹² Там же, 2 сентября.
¹³ Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 года // Исторические записки. 1947, т.23, с. 3–43.
¹⁴ Волга.–1915.–1 марта.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Указ соч., 2 сентября.
¹⁷ Волга.–1914.–3 ноября.
¹⁸ Иванов Б. Параллели // Наш голос. – 1915.– 29 августа.
¹⁹ Саратовская искра.– 1915.– 26 июля.
²⁰ Реакция, блок и демократия // Наш голос. – 1915.– 13 сентября.
²¹ Казанское утро.– 1915.–21 сентября.
²² Обращение Общества «Экономическое Возрождение России» в Тетюшскую Уездную Земскую Управу. Указ. соч., с.70.
²³ О выражении благодарности лицам, принявшим участие в деле оказания помощи

больным и раненым воинам и семьям призванных/Постановление Уездной Земской Управы №79 от 25-го декабря 1915 года. Указ. соч., с.418.

- ²⁴ Волга. – Саратов.–11 сентября 1914 г.
²⁵ Там же, 15 августа.
²⁶ Там же, 1 ноября.
²⁷ Там же, 3 ноября.
²⁸ Писарев Ю.А. Указ. соч. – С.52.
²⁹ Волга.– Саратов, 1915.–11 января.
³⁰ Земская неделя.–1915.–11 января.
³¹ Голос Самары.– 1915.–1 сентября.
³² Казанское утро.–1915.–21 сентября.
³³ Наша газета.– Саратов, 1915. – 8 августа.

Е.П.Терешина,
*ст. преподаватель филиала
 Казанского государственного
 университета
 в г. Набережные Челны*

СЛУХИ СРЕДИ КРЕСТЬЯНСТВА: 20-е ГОДЫ XX ВЕКА (по материалам ТАССР)

Изучение проблемы слухов как социально-психологического феномена занимает видное место в трудах зарубежных историков¹. В последние годы эта проблема начинает вызывать интерес и у отечественных историков и социологов². Не зная классовых границ и социальных барьеров, слухи, охватывая все общество, представляют собой неотъемлемую часть человеческой культуры. Нередко процесс возникновения и распространения слухов в обществе связан с проявлением социальной активности, которая в условиях кризисов и нестабильности зачастую принимает негативные формы (вспышки насилия, беспорядки и т.п.), а значит, представляет угрозу для общественного порядка. Этим определяется актуальность изучения слухов в современном обществе.

Для всестороннего, комплексного изучения слухов как социально-психологического феномена необходим

исторический подход. Обращаясь к слухам, имевшим хождение в прошлом, исследователи получают возможность проследить отношение наших предков к тем или иным историческим событиям. Зачастую реакция людей на нововведения формировалась под влиянием многочисленных слухов, которые воздействовали на мировоззрение людей и их поведение. Вот почему изучение слухов «в ретроспективе» начинает приобретать все больший интерес.

Этим определяется цель настоящей статьи, в которой предпринята попытка рассмотрения проблемы распространения слухов среди крестьянства, представлявшего собой большинство населения республики в 20-е годы XX века. Одновременно предпринята попытка осветить основную тематику представленных слухов.

К настоящему времени отечественными исследователями уже накоплен определенный опыт в области изуче-